

ДРЕВНЕРУССКИЙ ФЛАВИЙ: КАЗУС ТЫСЯЦКОГО ДМИТРА¹

Автор рассказа Галицкой летописи об осаде монголами Киева в 1240 г. уделяет особое внимание главному герою обороны города – воеводе князя Даниила Галицкого Дмитру. Согласно летописи, Дмитр был ранен во время отчаянной битвы, но не казнен победителями, и впоследствии даже давал стратегические советы предводителю Западного похода, Бату. Судьба Дмитра вписывается в распространенную практику привлечения монголами на свою сторону пленных военачальников, но одновременно выделяется на фоне историй о русских князьях-мучениках, отказавшихся быть в «атарской воле». При этом, в рассказе о падении Киева воевода никак не осуждается. С нашей точки зрения, это связано с тем, что история киевского тысяцкого воспринималась в связи с похожей судьбой персонажа, прочно связанного с одним из важнейших событий священной истории – «конечным» падением Иерусалима в 70 г. н.э. Этим персонажем был Иосиф Флавий, знакомый на Руси благодаря переведенной к XIII в. «Истории Иудейской войны». Обороняя город Иотапату, он храбро сражался с римлянами, но был захвачен в плен и перешел на сторону победителей. В этой драме древнерусского автора могли заинтересовать мотивы Иосифа: он описывает свои действия не как предательство, а как сознательное непротивление Божьему гневу на Свой народ. Эти мотивы были подробно описаны в переводном тексте, и они отвечали отношению к монгольскому нашествию на Руси во второй половине XIII века.

Ключевые слова: *осада Киева в 1240 г.; Дмитр; Иосиф Флавий; «История Иудейской войны»; древнерусская литература; Галицкая летопись.*

Главным героем обороны Киева от войск Бату в 1240 г. был тысяцкий Дмитр. Так можно заключить из прочтения соответствующего эпизода «Повести о нашествии Батыея», сохранившейся в галицкой части Галицко-Волынской летописи (далее – Галицкая летопись)². Такое внимание составителя к Дмитру обусловило предположение, что текст создавался в окружении киевского воеводы³. Судьба тысяцкого в самом деле рассказана примечательно: он был оставлен князем Даниилом Галицким оборонять Киев против монголов, отчаянно сражался, но после падения города был помилован завоевателями «мужества ради его», и во время покорения западнорусских княжеств оказался среди советчиков возглавлявшего Западный поход Бату.

В таком изложении эта история имеет интересную литературную параллель: она напоминает судьбу Иосифа Флавия, одного из военачальников иудеев, восставших против римлян в 66–73 гг. н.э., описанную им самим в «Истории Иудейской войны» (далее – «Иудейская война»). В начале противоборства с Римом Иосиф храбро сражался, но тоже попал в плен, был помилован «храбрства его дея и мудрости»⁴ и оказался в стане тех, с кем некогда воевал. На Руси памятник был изве-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 24-18-00407.

² ПСРЛ 2: 782–786.

³ Пашуто 1950: 18, 44, 85–86; Fennell 1983: 83; Майоров 2012b: 50.

⁴ ИИВ 2004 1: 221.

стен по меньшей мере к середине XIII века, когда был включен в состав Иудейского хронографа⁵, однако следы его бытования прослеживаются и ранее: в частности, в Киевской летописи⁶, кроме того, «несомненные заимствования» из перевода «Иудейской войны», по мнению Н.А. Мещерского, обнаруживаются и в «Слове о полку Игореве»⁷. В пользу работы переводчиков не позднее конца XII века приводятся аргументы, основанные на анализе лексики, грамматики, стилистики текста⁸. Нет сомнений в том, что автор или редактор Галицкой летописи был знаком с этим сочинением: об этом свидетельствуют многочисленные цитаты, давно обнаруженные исследователями⁹. В тексте о взятии Киева небезосновательно видели связь с разрушениями Иерусалима, описанными в «Иудейской войне», прочих хронографических произведениях и библейских книгах, тем не менее в нем присутствуют и цитаты из описания штурма Иотапаты, обороной которой руководил Иосиф. Параллель между историями тысяцкого Дмитра и Иосифа Флавия была найдена А.П. Толочко¹⁰. Для исследователя она стала дополнительным аргументом в пользу того, что весь рассказ о киевской трагедии – выдумка вольтинского хрониста конца XIII в., основанная на литературных шаблонах, почерпнутых в переводных исторических трудах и более древних летописях. С нашей же точки зрения, сходство между судьбами главных героев «Иудейской войны» и Киевской осады неверно объяснять литературными экзерсисами анонимного древнерусского книжника.

Тысяцкий Дмитр – выдуманный или реальный?

Прочие доказательства того, что избыточные по сравнению с другими источниками сведения Галицкой летописи о монгольском нашествии – «плод фантазии» летописца, либо «следующих редакторских амплификаций», собраны в монографии, посвященной текстологии этого памятника¹¹. В том, что касается киевского эпизода, они следующие: его сюжет «структурно имитирует рассказ о взятии Иерусалима Помпеем» из «Иудейской войны», а текст «рассыпается на цепочки заимствований, прямых и скрытых цитат, парафраз, имитаций сюжетных ситуаций». Таким образом, история Дмитра – очередная имитация, а сам Дмитр – литературная фикция, возникшая «из чтения нескольких сцен в хронографической литературе»¹².

Впрочем, разбор эпизода об осаде монголами Киева показывает, что несмотря на кажущуюся схожесть с рассказами об осадах Иерусалима в «Иудейской войне», в нем присутствует ряд индивидуальных

⁵ Алексеев 2008: 112.

⁶ Вилкул 2010: 393.

⁷ Мещерский 1958: 104–105 и далее; см. также: Барсов 1887: 217, 255.

⁸ Мещерский 1958: 97–121; ИИВ 2004 1: 9, 12, 19–26; Пичхадзе 2011: 41.

⁹ Орлов 1926: 117–126; Мещерский 1958: 99–101; Генсьорский 1961: 260, 277; Пауткин 1998; Вилкул 2018; Толочко 2014; ГВЛТ: 22–25.

¹⁰ Толочко 2014: 108; ГВЛТ: 319

¹¹ ГВЛТ: 303–304.

¹² Толочко 2014: 106, 115–116; ГВЛТ: 315–325.

отличий, которые подтверждаются независимыми археологическими и иноязычными источниками. К ним относятся и акцент на разрушении Десятинной церкви, а вовсе не киевской Софии, как можно было бы того ожидать, имитируя средневековый книжник падение Иерусалима, и описываемые особенности городских укреплений, двойная линия обороны, перечень «татарских воевод», подступивших к городу, и пр.¹³

Разумеется, нельзя отрицать прямое цитирование или перефразирование священных текстов и переводных исторических источников. Последние часто воспринимались как повествования о священной истории, и именно поэтому включались в хронографические компиляции¹⁴. Главный вопрос заключается в том, какова была функция такого цитирования. По нашему мнению, при ее поиске необходимо учитывать особенности средневекового миропонимания, в рамках которого события священной истории воспринимались как существующие вне земного времени, и по принципу эха многократно в нем повторяющиеся. Таким образом, в мире существовала вечная соотнесенность божественного и земного, а предназначение летописца состояло в том, чтобы обнаружить в событиях своего времени отпечаток вечности и объяснить их, сравнивая со священной историей¹⁵.

Одним из таких отголосков вечности было Божье наказание избранного народа за преумножение грехов, наиболее тяжелой мерой которого можно считать разрушение иноверцами священного града. Прозизошедшие в древности пленения Иерусалима были хорошо известны, и разрушение Киева слишком близко напоминало эту трагедию священной истории, чтобы книжники XIII в., воспринимавшие «погибель Русской земли» как Божью кару¹⁶, сомневались насчет очередного ее повторения. К тому же, Киев после крещения Руси воспринимался не иначе как «Новый Иерусалим»¹⁷, и такое отождествление не было лишь метафорой, а основывалось на средневековой практике создания и трансляции сакральных пространств, в частности, «translatio Hierosolymi»¹⁸.

Для осмысления и должного описания событий такого масштаба как нашествие монголов летописец прибегал к использованию текстов, в которых отражалась священная история, но сами события не выдумывались. Очевидно, что не выдумывались и главные действующие лица: так книжник погрешил бы против Вечности, сымитировав то, чего на самом деле не было. Киев осаждает не Навуходоносор, Помпей или Тит, а Бату, а вместе с Бату – реально существовавшие принцы-Чингизиды и военачальники. Считать, что эпизод с монгольским пленником – выдумка («яша же в нихъ Татарина именемъ Товроуль и ть исповеда имь всю

¹³ Веселов 2023: 54–57, 61.

¹⁴ Живов 2000: 602–603.

¹⁵ См.: Лихачев 1979: 260–261, 271–273.

¹⁶ Лаушкин 2019: 163–193; Рудаков 2014: 82–85.

¹⁷ Ричка 2005: 88–103.

¹⁸ См.: Erdeljan 2017: 53–54.

силоу ихъ»), потому только, что имя пленника «слишком символично»¹⁹, также абсурдно как сомневаться в историчности владевшего русской землей князя Владимира и прочих соименных ему правителей.

Нет оснований считать и тысяцкого Дмитра Галицкой летописи выдуманным персонажем, тем более что история его пленения, как будет показано ниже, типологически хорошо вписывается в практику монгольских завоеваний XIII века.

Рассказ о падении Киева в Галицкой летописи

Галицко-Волынская летопись – устоявшееся в историографии условное название третьей части Ипатьевского свода²⁰. В свою очередь, в этом памятнике нас интересует его первая часть – Галицкая летопись. По мнению лингвистов, она заканчивается на годовой статье 1260 г., с 1261 г. – начинается Волынская (по хронологии Ипатьевского списка): на уровне грамматики очевидно, что, если текст волынской части включает в себя элементы живой разговорной речи, то галицкой – ориентирован на высокие книжные образцы²¹. Такая ориентация отражается не только в лексике, морфологии, синтаксисе, но и в цитировании переводных исторических сочинений: хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола, Хронографической Александрии, «Иудейской войны». При этом текстологический анализ определяет границу позднее – по завершении статьи 1265 г.: в последующем тексте цитаты из переводных сочинений хотя и встречаются, но они куда менее значительны и по количеству, и по объему цитируемых фрагментов, очевиднее ориентация автора волынской части на более ранние русские летописные тексты²².

Несовпадение результатов лингвистического и текстологического анализов объясняли позднейшей переработкой волынским книжником статей 1261–1265 гг., изначально написанных галичанином²³, или окончательной общей редактурой составленного из Галицкой и Волынской летописей текста в конце XIII в.²⁴ Впрочем, различия между этими частями в своде настолько заметны, что относить их к творчеству одного автора нет никаких оснований: по языковым характеристикам они отличаются между собой едва ли не больше, чем каждая из них – с любой другой ранней древнерусской летописью²⁵. Предлагалось и более дробное деление памятника, в составе которого выявлялись повести, посвященные отдельным событиям. В числе таких событий – монгольское нашествие на Русь, описываемое в «Повести о нашествии Батыея» (далее – Повесть) или «Побоище Батыевом», как киноварью в Ипатьевском списке озаглавлен этот рассказ²⁶.

¹⁹ ГВЛТ: 344.

²⁰ О традиции именовании памятника см.: Jusupović 2022: x–xiii.

²¹ См. библиографию: Юрьева 2016: 65–66, а также Hristova 2006; Юрьева 2013.

²² Орлов 1926: 114–119; Генсьюский 1958: 10–16; 1961: 48–50; Вилкул 2018: 284–285.

²³ Генсьюский 1958: 99; Юрьева 2016: 66.

²⁴ Вилкул 2018: 286; ГВЛТ: 48–53.

²⁵ Юрьева 2016: 77.

²⁶ ПСРЛ 2: 778–787, 794. Пашуто 1950: 86; Котляр 1997: 110–112, ср.: Майоров 2012b:

С одной стороны, характерные для Галицкой летописи черты, определяемые лингвистами, в Повести без труда обнаруживаются. С другой, нельзя не согласиться с М.С. Грушевским, что на фоне окружающего текста, Повесть заметно выделяется стилистически²⁷. При этом и сама Повесть не однородна. В частности, в рассказе о падении Киева в перечне монгольских «воевод», осаждавших город, назван Гуок и отмечено, что он впоследствии стал ханом («и Кююк иже вратися оуведавъ смерть кановоу и бысть каномъ»), но о записанном перед ним Мунке такого не указано²⁸. Однако в предшествующем тексте, где рассказывается о приходе Мунке под стены Киева за год до трагедии, он уже титулован как Великий хан: «Меньгоуканови же пришедшоу сглядать градъ Кыева»²⁹. Гуок правил Монгольской империей с 1246 по 1248 г., Мунке – с 1251 г., таким образом, можно предположить, что основа рассказа была записана между 1246 и 1251 гг., а позднее дополнялась³⁰.

Кроме того, существуют различия между описаниями покорения монголами Северо-Восточных и Южнорусских земель. Рассказы о событиях на севере отличают яркие речи защитников обреченных городов: «Не оубоимся о прельщньи от нечестивых <...> аще и градъ нашъ пленьше копиемъ возмоуть и смрети ны предасть, азъ о томъ чада поручьникъ есмь, яко венца нетленьнаа от Христа Бога примете» взывает к владимирским воинам и жителям епископ Митрофан³¹, «Яко аще князь нашъ младъ есть, но положимъ животь свои за нь. И сде славою сего света приимше, и тамъ небесныя венца от Христа Бога приимемъ» советуются между собой горожане Козельска³². Ничего похожего нет в повествовании о южнорусских землях: сообщения о битвах, по замечанию В.Н. Рудакова, «напоминают сводки с театров военных действий»³³. Разнятся эти части и в устойчивых выражениях, описывающих одни и те же события, например, осаждая Владимир и Козельск «татарь» «борющоуся / бьющимся о градъ»³⁴, а Чернигов и Киев – «объстоупиша / окроужи в силе тяжце»³⁵. Только в северо-восточных городах монголы истребляют население «не пощадеша [от] отрочать до соущихъ млека»³⁶. Наоборот, прямые цитаты из хронографических произведений мы находим лишь в

61–62. Подробно о Повести в составе Галицкой летописи: Майоров 2012а; 2012б.

²⁷ Грушевский 1993: 186.

²⁸ ПСРЛ 2: 785.

²⁹ ПСРЛ 2: 782.

³⁰ Ужанков 1992: 270; ср.: Майоров 2012б: 95, 102, 103.

³¹ ПСРЛ 2: 779–780.

³² ПСРЛ 2: 781.

³³ Рудаков 2014: 78.

³⁴ Такое выражение почти уникально, относительно близкие аналоги находятся только в Киевской летописи: «бьющимся съ града», «ись града крепко бьющимся», «бьющимся из города» (ПСРЛ 2: 359, 457).

³⁵ Выражение «в силе тяжце» довольно устойчиво и многожды встречается в летописных текстах, но в указании на осаду оно очень редко. Ср.: «оступиша Печенизи городъ в силе тяжце», «объседе [Галич] в силе тяжце» (ПСРЛ 2: 53, 759).

³⁶ ПСРЛ 2: 779, 781.

Киевском эпизоде. Прочие обнаруживаемые сюжетные или стилистические параллели с Хроникой Георгия Амартола или «Иудейской войной» нельзя исключать, но точных соответствий они не имеют³⁷.

Таким образом, можно предположить, что эти части Повести Галицкой летописи создавались не одновременно и не одним автором, хотя, вероятно, и редактировались впоследствии. Возможно, общая редактура проявляется в том, что на протяжении всей Повести есть указания на «нечистивость» монголов, их нечеловеческую природу (Бату – «сверепыи зверь»), а потому, всякий, кто попадает в ловушку их «льсти» обречен на гибель: жена Юрия Рязанского, Всеволод, сын Юрия Владимирского, жители Колодяжина. На этом фоне по меньшей мере странно выглядит фигура главного героя обороны Киева, Дмитра.

Кратко напомним, что известно о нем из летописного рассказа. Дмитр был боярином князя Даниила Галицкого, который, захватив Киев, «остави в немь Дмитра, и вдасть Киевъ в роуце Дмитрови обьдержати противоу иноплеменьныхъ языкъ». Спустя время под стенами столицы появляется монгольская армия. Дмитр и киевляне отчаянно сражаются, но во время боя за стены города воеводу ранят. Несмотря на то, что «гражане же создаша паки другии град около святое Богородице», Киев был обречен: Десятинная церковь, – последнее прибежище осажденных, – была разрушена, а монголы захватили богатую добычу и плен. По словам летописца, раненого Дмитра победители пощадили «мужьства ради его», и тот сопровождал монголов в их дальнейшем походе. Несколько позднее, во время опустошения Галицко-Волынских земель, Дмитр советует Бату скорее поспешить на завоевание Венгерского королевства: «Не мози стряпати в земле сеи долго время. Ти есть на Оутры оуже поити, аще ли встряпаеши земля ти есть силна, сберуться на тя и не поустяты тебе в землю свою». Мотивом для такого совета, по мнению летописца, послужило то, что Дмитр наблюдал «землю гибноущоу Роускоюу», и старался быстрее отвлечь от нее монголов.

Дмитр и Иосиф Флавий

Обратимся к тексту литературной параллели к истории Дмитра – древнерусскому переводу «Иудейской войны»³⁸. Впервые о себе Иосиф пишет во II книге, где повествуется о восстании в Иерусалиме и подготовке к грядущей войне с Римом. В завершении книги повстанцы назначают военачальников в регионы, и Иосифу поручается возглавить оборону Галилеи. Он отправляется готовить область к вторжению, зная, что здесь ожидается первый удар римлян: «и потомъ оустремися [Иосиф – авт.] на оутвержение земли. ведаа яко тоу римляне пристоупятъ» (408а).

Действительно, отправленный на подавление восстания полководец Веспасиан в первую очередь атакует Галилею: «исплньися вся Галилея огнемъ и кровию» (411 в 39–40). После взятия Гадары римская армия движется к Иотапате, оборону которой возглавляет сам Иосиф. Город

³⁷ См.: Орлов 1902: 22; ГВЛТ: 295–296, 302.

³⁸ Далее древнерусский перевод приводится по изданию: ИИВ 2004.

оказывается взят только благодаря предательству, и римляне начинают поиски среди погибших своего главного врага, Иосифа. Обнаружив его заблокированным с группой приспешников в одной из тайных пещер, ему предлагают сдаться. Иосиф принимает предложение и получает помилование, как и Дмитрий, «храбрства его дея и мудрости» (415г 30–31). Впоследствии, после того как Веспасиан и Тит узнают о пророческом даре Иосифа, его держат в чести («и ризы же да емоу честны, и съсоуды и пищу воеводскую» (417б 39–40)), а его главной помощью римлянам становятся уговоры упорствующих в Иерусалиме мятежников сложить оружие (444б 6–446а 34; 448г 39–40; 453а 19–29; 453а 35–453в 18 и пр.).

Примечательно, что именно из эпизода битвы за Иотапату, а не из несравненно более пространный рассказ об осаде Иерусалима, было взято поэтическое описание жестокой сечи во время битвы за Киев:

«Иудейская война»	Галицкая летопись
и бысть видѣти ломъ копиинны, и скрежтание мечное и щити ископани (413в 36–38); стрелы помрачиша светъ (413г 24–25)	и тоу беаше видити ломъ копейны и щеть скепание, стрелы омрачиша свет

Обе фразы отсутствуют в греческом тексте и были добавлены древнерусским переводчиком, при этом первая фраза имеет соответствие и в Киевской летописи («и ту бе видити ломъ копиинны и звукъ оружьинны»³⁹), однако в описании штурма Киева она лексически ближе к «Иудейской войне». Кроме того, ориентация на древнерусские летописные образцы характернее для вольинской части, для галицкой – на хронографические. Отметим и ряд менее очевидных сближений между описаниями осад Киева и Иотапаты:

«Иудейская война»	Галицкая летопись
Иосифови же Матфеину сыну <i>поручиша</i> обе Галилеи и Гамалу (408а 15–17)	[Даниил] <i>вдасть</i> Кыевъ в <i>роуце</i> Дмирови
[Веспасиан] <i>поемъ всю силу</i> , иде на Етапату <...> и две плькома пешець <i>объстоупи градъ</i> (413в 14–17)	Приде Батыи Кыеву в <i>силъ тяжьще</i> , многомъ множествомъ силы своей и <i>окроужи град</i>
[Иотапату можно атаковать] токмо от севера <i>пристоупъ малъ, зане къ дебри кончяшася стены</i> (413г 6–8).	[Монголы штурмуют] <i>подъле вратъ Лядьскихъ, тоу бо беахоу пришли дебри.</i>

Разумеется, надо учитывать, что красочные описания батальных сцен из «Иудейской войны», в т.ч. осады Иотапаты, используются и в других местах летописи⁴⁰, но в этих эпизодах нет персонажей, судьбы которых хотя бы отдаленно напоминали истории Иосифа или Дмитра.

Таким образом, мы имеем не только общую сюжетную линию пленения военачальника, его перехода на сторону победителей, но и опре-

³⁹ ПСРЛ 2: 576; об этом: Мещерский 1958: 105.

⁴⁰ ГВЛТ: 22–25.

деленные лексические и смысловые параллели между рассказами, главными героями в которых являются тысяцкий Дмитр и Иосиф Флавий.

Впрочем, между судьбами наших героев нет и полной тождественности, что свидетельствует о том, что как раз «литературным шаблоном» древнерусский автор не пользовался. В плен Дмитр попал, будучи «изведен язвен», т.е., не вполне по собственному желанию, драматизм же сдачи Иосифа заключался в его добровольном принятии предложения Веспасиана. Кроме того, Дмитр дает Бату совет увести войска из Руси и тем избавить ее от полного разорения, а Иосиф, наоборот, уговаривает осажденных в Иерусалиме соплеменников сдаться. Если бы древнерусский книжник работал шаблонно, ему ничего не стоило бы повторить и пламенные речи иудейского военачальника, тем более что использование монголами парламентеров из числа захваченных знатных лиц при осадах крепостей хорошо известно. Один из ярких примеров, к тому же, содержащийся в Ипатьевском своде, – приказ монгольского военачальника Бурундя Васильку Романовичу уговорить жителей Холма сдаться⁴¹. В Повести упоминается множество западнорусских городов, разоренных монголами после захвата Киева: Владимир Вольнский, Колодяжин, Каменец, Галич. Книжник даже упоминает, что Колодяжин монголы брали «лестью», тем не менее, ни в одном из этих случаев пленный Дмитр не фигурирует. Наоборот, он, будто бы хитростью заставляет монголов покинуть Русские земли.

Такое оправдание летописцем выглядит на первый взгляд неуклюже: если раненый Дмитр был насильно захвачен в плен, то почему предводитель монголов, его главный враг, внимательно прислушивается к его советам («Батыи же послоуша съвета Дмитрова»)? Наоборот, если монголы доверяют Дмитру, то какие есть основания считать его не сломленным пленником? Этот летописный эпизод приобретает смысл, если мы предположим, что книжник имел в виду параллель с биографией автора «Иудейской войны»: последнего римляне держали в чести и прислушивались к его советам. Примечательно, что слова летописи о том, что Бату воспользовался советом Дмитра, подтверждаются независимыми источниками: после взятия Киева на Николин день, т.е., 6 декабря⁴², передовые отряды неприятеля начали разорять венгерское пограничье уже накануне Рождества Господня, т.е., до 25 декабря⁴³, значит, от Днестра до Карпат монголы добрались менее чем за три недели.

Дмитр и монголы

Убедиться в том, что история отношений воеводы с монголами имеет под собой реальные основания, можно обратившись к изучению иностранных источников по монгольским военным кампаниям. В биографии Чань Жоу, командира одного из китайских отрядов, помещенной в династийную хронику «Юань Ши», есть такой эпизод: попав в плен

⁴¹ ПСРЛ 2: 851.

⁴² Maiorov 2016: 482-484.

⁴³ Рогерий 2012: 26.

к монголам, китаец восхитил военачальника победителей гордым отказом преклонить колени, за что получил предложение перейти на сторону Чингисхана с сохранением командной должности и всех воинов своего отряда⁴⁴. Такие пленники, оставленные в живых степными завоевателями за их мужество, оказывались на службе Великого хана. В одних только китайских источниках можно найти множество подобных примеров⁴⁵. Похожие случаи вербовки военных и гражданских чиновников обнаруживаются в истории монгольских завоеваний в Хорезме⁴⁶, Иране⁴⁷, Корее⁴⁸, на Ближнем Востоке⁴⁹. По оценке специально обращавшихся к этому вопросу ученых, такая стратегия Чингисхана и его приемников показала не меньшую эффективность в предприятии по завоеванию мира, чем победы на поле боя⁵⁰. Надо думать, что подобная политика применялась монголами и на русских землях. Глава посольства папы Иннокентия IV к монголам, Иоанн де Плано Карпини, утверждал, что в ставке Великого хана он встретил множество русских и венгров, «которые были с ними [монголами – авт.] – некоторые тридцать лет – и в войнах, и в других обстоятельствах»⁵¹.

После завершения боевых действий новых слуг Великого хана назначали на военно-административные должности в покоренных регионах, и они становились частью основанной на десятичном принципе кочевой иерархической системы. Древнерусская должность Дмитра, тысяцкий, хорошо ей отвечала. Можно предположить, что свидетельство Плано Карпини о начальствовавшем в 1246 г. в Киеве тысячнике⁵² и Галицкой летописи о боярине Дмитре, управлявшем Киевом в 1245 г. от лица князя Ярослава Всеволодовича⁵³, который получил из монгольских рук старейшинство в русской земле («буди ты старей всем князем в Русском языке»⁵⁴), относятся к нашему Дмитру. Если это так, то последний после завершения Западного похода был вновь назначен в Киев воеводой, но уже завоевателями, и в дальнейшей «удерживал» город от лица того, кто был номинальным правителем всей русской земли⁵⁵.

Оправдание Дмитра

Историю Дмитра можно рассматривать как один из многочисленных примеров появления новых, пусть и вынужденных, слуг Великого

⁴⁴ Hsiao 1993: 47.

⁴⁵ ISK1993: 3–74.

⁴⁶ Jackson 2017: 89–91.

⁴⁷ Manz 2015: 13.

⁴⁸ Henthorn 1963: 61, 104.

⁴⁹ Amitai 2007: 132–133.

⁵⁰ ISK1993: xiii.

⁵¹ В другой редакции: «некоторые двадцать [лет], некоторые десять, некоторые больше, некоторые меньше». Карпини 2022: 186. См. также перечисление русских свидетелей путешествия Карпини: Карпини 2022: 190–192.

⁵² Карпини 2022: 173.

⁵³ ПСРЛ 2: 806.

⁵⁴ ПСРЛ 1: 470.

⁵⁵ Развернутую аргументацию см.: Майоров, Веселов 2024.

хана, и ничего необычного в его поведении для монголов не было. Но, как известно, сходные действия могут вызывать полярную оценку в разных культурных контекстах. На фоне прославления в Лаврентьевской летописи подвига князя Василька Константиновича, казненного монголами за отказ «быти въ их воли и воевати с ними»⁵⁶, оценка поступка Дмитра вряд ли могла быть положительной. В том же Ипатьевском своде мы обнаруживаем характерное отношение к тем, кто переметнулся к своим противникам: «дьявольским наущением» объясняет книжник действия киевского тысяцкого Глеба, изменившего своему князю⁵⁷, нет сочувствия и к «на двое бывшему» Андрею, наместнику Даниила Галицкого в Кременце, одновременно служившему Бату⁵⁸. Дело здесь не только в личном отношении хронистов к тому или иному летописному персонажу: сотрудничество с неприятелем сурово осуждалось даже церковными установлениями. В восьмом правиле «Канонического послания» Григория Неокесарийского, известного на Руси в составе Кормчей XIV титулов, древнейший сохранившийся список которой датируется XII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 227), тяжкая епитимия налагалась не только на тех, кто вместе с иноверцами участвовал в избиении своих «единоплеменников»-христиан, но и на тех, кто указывал «поганым» «поути или домы», т.е. был проводником и советчиком⁵⁹. Сомнений в том, что венгров на Руси считали христианами, пусть и западного толка, нет. О том, что Бела IV, на завоевание королевства которого так торопил Дмитр монголов, христианин, читаем в Галицкой летописи, цитирующей митрополита Кирилла: «иди к нему [Беле IV] яко крестьянь есть»⁶⁰.

Здесь и могла пригодиться «Иудейская война» Иосифа Флавия, одной из целей создания текста которой было оправдание автора в глазах своих соотечественников и некогда братьев по оружию. Когда Иосиф, будучи блокирован в одной из пещер взятой штурмом Иотапаты, решает сдаться, в качестве главного мотива своего поступка он видел не сохранение жизни, не предательство отечества, но исполнение Божьей воли: «И се Твоимъ Святымъ повелением даю роуце римлянномъ волею, и кленоуся Святымъ Твоимъ Именемъ, яко не живота деля въсхожю, ни предати хотя отечство, но послужити Твоеи славе и силе» (41ба 21–27). В предваряющих строках поясняется, что Иосиф, исполнившись Святого Духа, понял, что римляне отныне избраны Богом как его орудие, и им даруется вся удача и сила (41ба 17–19).

Цитаты, на которые мы ссылаемся, довольно точно передают греческий оригинал⁶¹, значит, можно считать, что они содержались в архетипе древнерусского перевода «Иудейской войны». При этом их идейное содержание очень близко к тому отношению к монгольскому заво-

⁵⁶ ПСРЛ 1: 465.

⁵⁷ ПСРЛ 2: 324.

⁵⁸ ПСРЛ 2: 829; см.: Майоров 2023: 50–52.

⁵⁹ Бенешевич 1906: 610; см.: Лаушкин, 2019: 28, 38–39.

⁶⁰ ПСРЛ 2: 809.

⁶¹ Ср.: Niesse 1894: 321.

еванию, которое можно обнаружить в самых ранних произведениях эпохи ига. В летописном известии 1246 г. об убиении в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора главный герой признает, что «Богъ ны есть предаль и власть нашоу грехъ ради наших во роуце ваши [монголов – *авт.*]⁶², значит, нет постыдного в том, чтобы добровольно прибыть к хану и поклониться ему. Напротив, таким образом князь смиряется с Божьей волей. Похожие формулировки есть во всех ранних проложных редакциях Сказания об ордынских мучениках⁶³. Те же мотивы встречаются и в более поздних текстах XIII в.: летописной статье о Неврюевой рати, некрологе ростовскому князю Глебу Васильковичу, Житии Александра Невского, Словах и поучениях епископа Владимирского Серапиона, постановлениях Собора русской церкви 1273 г.⁶⁴ Смирение, а не борьба с монголами, стало образцом уже в раннем литературном пласте Повести о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи, в которой погибший на р. Сить князь Юрий Всеволодович «новыи Иовъ бысть терпеньемъ и вероу»⁶⁵.

Значит, мотивы поступка Иосифа Флавия в древнерусском переводе «Иудейской войны», вполне отвечали тому пониманию зависимости от монголов, «новому вавилонскому плену», которое получило распространение среди русских книжников уже в XIII в. Представляется, что в таком контексте автор рассказа о падении Киева и рассматривал поступок Дмитра, поэтому в его словах нет осуждения, а использованные им цитаты из осады Йотапаты, вероятно, подчеркивали вневременную связь между судьбами одного из акторов священной истории и современника летописца.

***

Судьба киевского воеводы Дмитра заметно выделяется на фоне историй о первых русских князьях-мучениках, принявших смерть от руки монголов. Применение сравнительно-исторического метода позволяет реконструировать события, которые произошли с нашим главным героем. Свидетельства иностранных источников хорошо иллюстрируют монгольскую практику переманивания на службу плененных военачальников своих врагов, которые, в том числе, выполняли функции военных экспертов. Дмитр, воевода Галицкого княжества, безусловно, мог выступать в этой роли, о чем и сообщает древнерусский книжник. Одновременно древнерусские домонгольские источники свидетельствуют о том, что подобного рода поведение не было приемлемо в православной среде: предательство и коллаборационизм однозначно осуждались, но Дмитр такому осуждению не подвергается.

На наш взгляд объяснить это можно тем, что в истории киевского воеводы автор рассказа об осаде Киева видел отражение судьбы Иосифа

---

⁶² ПСРЛ 2: 795.

⁶³ Серебрянский 1915: 51, 57, 61, 66.

⁶⁴ Лаушкин 2019: 162–193.

⁶⁵ ПСРЛ 1: 465; Рудаков 2014: 72–75.

Флавия, знакомой на Руси по переводной «Иудейской войне». К Иосифу относились положительно: «Сей оубо Иосипъ <...> в писании похваленъ, яко истинну писа о пленении Иерусалима и яко Христа ради и по пророчеству Христову такавая погибель бысть Жидомъ. *Сего ради и самъ, оставивъ Иерусалимъ, к Римляномъ и къ Титу отоиде*»⁶⁶. Эта цитата передает главный мотив Иосифа «отойти» к римлянам: принятие воли Бога, наказывающего избранный народ нападением иноплеменных. Именно так и оценивалось монгольское нашествие на Руси XIII в.: как очередное повторение главной трагедии мировой священной истории.

Разумеется, эксплицитных сравнений древнерусского воеводы и античного военачальника в рассказе о монгольском нашествии мы не найдем. Впрочем, их и не могло быть: ни в одном другом месте Галицкой летописи ни ее персонажи, ни события так не описываются. Обнаружить такие сопоставления можно только по косвенным признакам, используя методы текстологии и герменевтики⁶⁷. Что касается текстологии, мы можем говорить о двух прямых заимствованиях и ряде чужих, которые лексически и по смыслу близки к тексту «Иудейской войны», в котором описана битва за Иотапату и сдача Иосифа в плен римлянам. То есть, тот сюжет, в котором составитель рассказа о падении Киева мог найти параллель к истории воеводы Дмитра. С точки зрения цели, которую преследовал автор текста, в сопоставлении Иосифа и Дмитра, очевидно, была возможность оправдать последнего.

Представляется, что в такого рода оправдании больше всех мог быть заинтересован сам Дмитр, а также те, кто входил в его ближайшее окружение. Что касается дальнейшей судьбы тысяцкого, однозначных свидетельств в источниках о ней мы не находим. Впрочем, как отмечалось выше, из данных, которые можно почерпнуть в отчете Плано Карпини и Галицкой летописи, можно предположить, что воевода вновь оказался в Киеве, но уже при новых хозяевах, что вполне отвечало монгольской практике администрирования захваченных земель.

Реминисценции в тексте о падении Киева, на которые уже не раз указывалось исследователями, связаны с разорением Иерусалима, однако западнорусский книжник не стал бы их использовать: в эпоху раздробленности важнейшие центры Руси конструировали собственные священные места, копирующие Иерусалим, среди таких центров был и Галич⁶⁸, но о судьбе самого Галича в тексте указано лишь вскользь. Следовательно, автором рассказа был киевлянин, или по меньшей мере книжник, происходивший из Южной Руси, в которой тоже были знакомы с переводом «Иудейской войны». В таком случае, представления наших предшественников о том, что рассказ составлялся в окружении киевского воеводы, представляются вполне оправданными.

⁶⁶ ПСРЛ 22: 237.

⁶⁷ См.: Данилевский 2004: 32–75.

⁶⁸ Рычка 2005: 210–237.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алексеев А. А. Интерполяции славянской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 59. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. С. 63–114 [Alekseev A. A. Interpolycii slavjanskoj versii «Iudejskoj vojny» Iosifa Flavija (Interpolations of the Slavonic version of The Jewish War by Josephus Flavius) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. Vol. 59. St. Petersburg: «Dmitrij Bulanin», 2008. P. 63–114].
- Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкования. Т. I. СПб: Типография Императорской АН, 1906. 840 с. [Beneshевич V.N. Drevneslavjanskaya Kormchaya XIV titulov bez tolkovaniya (Old Slavonic Nomocanon of 14 tituli without interpretation). Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj AN, 1906. 840 p.].
- Веселов Ф.Н. Падение Иерусалима и Повесть о взятии Киева в 1240 году: литература и история // Русская литература. 2023, № 2. С. 51–62 [Veselov F.N. Padenie Ierusalima i Povest' o vzyatii Kieva v 1240 godu: literatura i istoriya (The Fall of Jerusalem and the Tale of the Fall of Kiev: Literature and History) // Russkaya literatura. 2023, No 2. P. 51–62].
- Вилкул Т. Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 61. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010. С. 382–397 [Vilkul T. L. O hronograficheskikh istochnikah Kievskogo letopisnogo svoda (Towards the chronographic sources of the Kievan chronicle) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. Vol. 61. St. Petersburg: «Dmitrij Bulanin», 2010. P. 382–397].
- Вилкул Т.Л. Хронографические заимствования как текстологический маркер в Галицко-Волынской летописи // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2018. С. 284–285 [Vilkul T.L. Khronograficheskie zaимstvovaniya kak tekstologicheskij marker v Galitsko-Volynskoi letopisi (Chronographic borrowings as a textological marker in Galician-Volhynian chronicle) // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2016 god. Moscow: «Universitet Dmitriya Pozharskogo», 2018. P. 284–285].
- ГВЛТ: Галицко-Волинский літопис: текстологія / За ред. О.П. Толочко. Київ: Академперіодика, 2020. 929 с. [Galits'ko-Volins'kij litopis: tekstologiya (Galician-Volhynian chronicle: textology) / Ed. O.P. Tolochko. Kyiv: Akademperiodika, 2020. 929 p.].
- Генсьорский А.И. Галицко-Волинский літопис (процес складання; редакції і редактори). Київ: Видництво АН УРСР, 1958. 101 с. [Gens'orskij A.I. Galic'ko-Volins'kij litopis (proses skladannja; redaktsii i redaktori) (Galician-Volhynian chronicle: process of composition, editions and editors). L'viv: Vidnictva AN URSSR, 1961. 101 p.].
- Генсьорский А.И. Галицко-Волинский літопис. Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості. Львів: Видництво АН УРСР, 1961. 283 с. [Gens'orskij A.I. Galic'ko-Volins'kij litopis. Leksichni, frazeologichni ta stilistichni osoblivosti (Galician-Volhynian chronicle: lexical, phraseological and stylistically features). L'viv: Vidnictva AN URSSR, 1961. 283 p.].
- Грушевський М.С. Історія української літератури. Київ: Либідь, 1993. Т. III. 285 с. [Grushevs'kij M. S. Istoriya ukrains'koj literature (History of the Ukrainian literature). Kyiv: Libid', 1993. Vol. 3. 285 p.].
- Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы историковетоведения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с. [Danilevskij I.N. Povest' vremennyh let: gemenevicheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnyh tekstov (The Tale of the begone tears: hermeneutic grounds for study of chronicle texts). Moscow: Aspekt-Press, 2004. 370 p.].
- Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. М.: «Языки русской культуры», 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 586–617. [Zhivov V.M. Osobennosti retseptsii vizantijskoj kul'tury v Drevnei Rusi (Features of reception of Byzantine culture in Old Rus') // Iz istorii russkoj kul'tury. Moscow: «Yazyki russkoj kul'tury», 2000. Vol. 1: Drevnyaya Rus'. P. 586–617].
- ИИВ: «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Подг. А.А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. М.: «Языки русской культуры», 2004. Т. I. 880 с. [«Istoriya Iudejskoj vojny» Iosifa Flavija. Drevnerusskij perevod (The Josephus Flavius Jewish War. Old Rus' translation) / Prep. A.A. Pichkhadze, I. I. Makeeva, G.S. Barankova, A.A. Utkin. Moscow: «Yazyki russkoj kul'tury», 2004. Vol. I. 880 p.].
- Карпини 2022: Иоанн де Плано Карпини. История монголов: Текст, перевод, комментарии / Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М.: Восточная литература, 2022. 382 с. [Ioann de Plano Carpini. Istoriya mongolov: Tekst, perevod, kommentarii (Giovanni da Pian del Carpine. Historia Mongolorum: text, translation, commentaries) / Ed. A.A. Gorski, V.V. Trepavlov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2022. 382 p.].

- Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019. 304 с. [Laushkin A. V. Rus' i sosedi: istoriya etnokontsional'nykh predstavlenij v drevnerusskoj knizhnosti XI–XIII vv. (Rus' and its neighbours: history of ethno-confessional beliefs in Old Rus' literacy of the 11-13 centuries). Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2019. 304 p.]
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 352 с. [Lihachev D.S. Poetika drevnerusskoj literatury (Poetics of Old Rus' literature). Moscow: 'Nauka', 1979. 352 s.]
- Майоров 2012a: Майоров А.В. Повесть о нашествии Батюга в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica antiqua*. 2012. № 1. С. 33–94 [Majorov A. V. Povest' o nashestvii Batyuga v Ipat'evskoj letopisi. CHast' pervaya (The Tale of the invasion of Batu in Hypatiev Chronicle. Part one) // *Rossica antiqua*. 2012. No 1. P. 33–94].
- Майоров 2012b: Майоров А.В. Повесть о нашествии Батюга в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. 2012. № 2. С. 43–113 [Majorov A. V. Povest' o nashestvii Batyuga v Ipat'evskoj letopisi. CHast' vtoraya (The Tale of the invasion of Batu in Hypatiev Chronicle. Part two) // *Rossica antiqua*. 2012. No 2. P. 43–113].
- Майоров А.В. Милей, Куремса и хан Мунке: Южная Русь под монгольским контролем // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2023. № 2(92). С. 41–56. [Majorov A. V. Milei, Kuremsa i khan Munkke: Yuzhnaya Rus' pod mongol'skim kontrolem (Milei, Kuremsa i Mōngke: Southern Rus' under the Mongol control) // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2023. No 2(92). P. 41–56]
- Майоров А.В., Веселов Ф.Н. Тысяцкий Дмитр: до и после падения Киева // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2024. [Majorov A. V., Veselov F. N. Tysyackij Dmitr: do i posle padeniya Kieva (Dmitr the chiliarch before and after fall of Kiev) // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2024.] [в печати].
- Мешерский Н.А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.: Издательство АН СССР, 1958. 578 с. [Meshcherskij N. A. Istoriya Iudejskoj vojny Iosifa Flaviya v drevnerusskom perevode (The Josephus Flavius Jewish War in Old Rus' translation). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. 578 p.]
- Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Университетская тип., 1902. 50 с. [Orlov A. S. Ob osobennostyakh formy russkikh voinskikh povestej (konchaya XVII v.) (Concerning features of Old Rus' military tales (till the end of the 17 century)). Moscow: Universitetskaya tip., 1902. 50 p.]
- Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи // *Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР*. Т. 31. Л.: Изд. АН СССР, 1926. С. 93–126 [Orlov A. S. K voprosu ob Ipat'evskoj letopisi (Concerning the Hypatiev Chronicle) // *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN SSSR*. Vol. 31. Leningrad: Izd. AN SSSR, 1926. P. 93–126].
- Пауткин А.А. Южнорусские летописцы XIII века и переводная историческая литература // *Герменевтика древнерусской литературы*. М., 1998. Вып. 9. С. 127–134 [Pautkin A. A. Yuzhnorusskie letopiscy XIII veka i perevodnaya istoricheskaya literature (South Rus' chroniclers of the 13 century and translated historical literature) // *Germenevтика drevnerusskoj literatury*. Moscow, 1998. Iss. 9. P. 127–134].
- Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Издательство АН СССР, 1950. 330 с. [Pashuto V. T. Ocherki po istorii Galicko-Volynskoj Rusi (Reviews on the history of the Galician Volhynian Rus'). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 330 p.]
- Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. 408 с. [Pichkhadze A. A. Perevodcheskaya deyatel'nost' v domongol'skoj Rusi: lingvisticheskij aspekt (Translation practice in pre-Mongolian Rus': linguistic aspects). Moscow: 'Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi', 2011. 408 p.]
- ПСРЛ 1: Полное собрание русских летописей. М.: «Языки русской культуры», 1997. Т. 1. 733 стб. [Polnoe sobranie russkikh letopisej (Full Collection of Rus' Chronicles). Moscow: «Yazyki russkoj kultury», 1997. Vol. 1. 733 col.]
- ПСРЛ 2: Полное собрание русских летописей. М.: «Языки русской культуры», 1998. Т. 2. 938 стб. [Polnoe sobranie russkikh letopisej (Full Collection of Rus' Chronicles). Moscow: «Yazyki russkoj kultury», 1998. Vol. 2. 938 col.]
- ПСРЛ 22: Полное собрание русских летописей. СПб: Тип. М.А. Александрова, 1911. Т. 22. Ч. 1. 568 с. [Polnoe sobranie russkikh letopisej (Full Collection of Rus' Chronicles). St. Petersburg: Tip. M. A. Aleksandrova, 1911. Vol. 22. Pt. 1. 568 p.]

- Ричка В.М. Київ – Другий Єрусалим. Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. 243 с. [Rychka V.M. Kiïv – Drugij Yerusalam (Kiev – another Jerusalem). Kiïv: Institut istoriï Ukraïni NAN Ukraïni, 2005. 243 p.]
- Рогерий 2012: Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Досаев А.С. (пер. с лат.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. 300 с. [Master Roger. Carmen miserabile super destructione regni Hungariae per Tartaros / Dosaev A.S. (transl.). St. Petersburg: 'Dmitrij Bulanin', 2012. 300 p.]
- Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV в. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Квадрига, 2014. 272 с. [Rudakov V.N. Mongolo-tatars glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII-XV v. (Mongols-Tatars in the eyes of Russian bookmen of the mid. 13 – 15 centuries) Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow: 'Kvadriga', 2014. 272 p.]
- Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. 494 с. [Serebryanskij N.I. Drevnerusskie knyazheskie zhitiya. Obzor redakcij i teksty. (Old Rus' Princes' Lives. Review of recensions and texts). Moscow: O-vo istorii i drevnostei ros. pri Mosk. un-te, 1915. 494 p.]
- Толочко А.П. Взятие Киева монголами: источники летописного описания // Palaeoslavica. 2014. № 22 (2). С. 106–115 [Tolochko A.P. Vzyatie Kievа mongolami: istochniki letopisnogo opisaniya (The capture of Kiev by the Mongols: sources for chronicle depiction) // Palaeoslavica. 2014. No 22 (2). P. 106–115].
- Ужанков А.Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 1. С. 247–283 [Uzhankov A.N. 'Letopisets Daniila Galitskogo': redaktsii, vremya sozdaniya (Daniel of Galicia Chronicle: recensions, time of creation) // Germenevtika drevnerusskoi literatury. 1992. Iss. 1. P. 247–283].
- Юрьева И.С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка (2012–2013). М.: Древлехранилище, 2013. С. 135–151. [Yur'eva I.S. Nekotorye osobennosti sintaksisa, morfologii i leksiki tak nazываемoi Galitsko-Volynskoi letopisi (Some features of syntax, morphology and lexica of Galician-Volhynian chronicle) // Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo literaturnogo yazyka (2012–2013). Moscow: 'Drevlekhranilishche', 2013. P. 135–151].
- Юрьева И.С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования / Под ред. Й. Комендовой. Оломуц, 2016. С. 65–77 [Yur'eva I.S. Lingvisticheskie parametry stilisticheskikh razlichii mezhdū Galitskoi i Volynskoi letopisyami (Linguistic parameters of the stylistic differences between Galician and Volhynian chronicles) // Pis'mennost' Galitsko-Volynskogo knyazhestva: istoriko-filologicheskie issledovaniya / Ed. J. Komendová. Olomouc, 2016. P. 65–77]
- Amitai R. Mongol Provincial Administration: Syria in 1260 as a Case-study // In laudem hierosolymitani: studies in Crusades and medieval culture in honour of B. Z. Kedar. Ashgate publ., 2007. P. 117–143.
- Erdeljan E. Chosen places. Constructing New Jerusalem in Slavia Orthodoxa. Leiden, Boston: Brill, 2017. 264 p.
- Fennell J. The crisis of medieval Russia 1200-1304. London: Longman, 1989. 206 p.
- Niesse 1894: Flavii Iosephi Opera / Ed. B. Niesse. Vol. 6: De bello Judaico libros VII. Berolini, 1894. 628 s.
- Henthorn W.E. Korea. The Mongol Invasions. Leiden, Brill, 1963. 252 p.
- Hristova D.S. Major Textual Boundary of Linguistic Usage in the Galician-Volhynian Chronicle // Russian History. 2006. Vol. 33, No 2/4. P. 318–329.
- Hsiao S., Chang Jou // In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300) / Eds. I. de Rachewiltz et al. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1993. P. 46–59.
- ISK 1993: In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300) / Eds. I. de Rachewiltz et al. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1993. xiv, 808 p.
- Jackson P. The Mongols and the Islamic World. From conquest to conversion. New Heaven and London, 2017. 614 p.
- Jusupović A. The Chronicle of Halych-Volhynia and Historical Collections in Medieval Rus' (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 81). Leiden-Boston: Brill, 2022. 244 p.

Maierov A. The Mongol Invasion of South Rus' in 1239–1240s: Controversial and Unresolved Questions // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2016. Vol. 29, Iss. 3. P. 473–499.

Manz B.F. Nomads and Regional Armies in the Middle East // *Nomad Military Power in Iran and Adjacent Areas in the Islamic Period* / Eds. K. Franz, W. Holzwarth. Wiesbaden, 2015. P. 1–28.

Веселов Федор Никитович, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; f.veselov@spbu.ru

Old Rus' Flavius: Casus of Tysiatskii Dmitr

The author of the Galician-Volhynian Chronicle Tale about the siege of Kiev by the Mongols in 1240 pays special attention to the head of the defenders, Dmitr. According to text, Dmitr was wounded during a desperate battle for the town. However, he wasn't executed by the Mongols, but subsequently became an adviser to the leader of the Great Western campaign, Batu. The fate of Dmitr fits well into the widespread Mongol practice of attracting captured military leaders to their side, but at the same time stands out against the background of the Russian martyrs who refused to be in 'Tartar will'. At the same time, the author of the Tale does not condemn the governor in any way. From our point of view, this was due to the fact that history of the Kiev governor was perceived in connection with a similar fate of a character firmly associated with one of the main events in the Sacred history – the fall of Jerusalem in 70 AD. This character was Josephus Flavius, familiar in Rus' thanks to the 13th century Slavonic translation of 'The Jewish War'. Defending the fortress of Jotapata, he bravely fought with the Romans, but, in the end, was captured and went over to the victorious side. In this context, the Old Rus' author might have been interested in Josephus' motives, as he describes them not as betrayal, but as conscious non-resistance to God's Wrath against His people. These motives corresponded well with the attitude towards the Mongol invasion that was established in Rus' during the second half of the 13th century.

Keywords: *Mongol conquests; siege of Kyiv in 1240; Dmitr; Josephus Flavius; "The Jewish War"; Old Russian literature; Galician-Volhynian chronicle, Galician chronicle.*

Fedor N. Veselov, PhD in History, associate professor, St. Petersburg State University. f.veselov@spbu.ru